

Эмма
Марченко

**СЧАСТЛИВЫЙ
ПЛЕС**

НОВИНКИ · СОВРЕМЕННОСТИ

Эмма
Марченко

**СЧАСТЛИВЫЙ
ПЛЕС**

*Стихотворения
и поэмы*

«Современник»

Москва

1985

ВСТРЕЧА С ОТЦОМ

Звезда

Тень отца витает надо мною,
А ведь столько лет с войны прошло!
Но могила с красною звездою —
Словно шлем, скрывающий чело.

Память, снова уподобясь чуду,
Возвращает мне его черты.
Так ракета, вспыхнув на минуту,
Вырывает степь из темноты.

Так она, вися над горизонтом,
Освещает дальнее село...
Помню все, что написали с фронта
Об отце товарищи его.

Что Отчизну заслонил он грудью,
Что мечтал в то утро, до стрельбы,
Чтобы жизнь моя своею сутью
Повторила суть его судьбы.

Чтоб моих решений и свершений
Трусость не коснулась никогда...
С каждым годом для меня священной,
Памятней отцовская звезда.

Папины письма

Шла с фронта полевая почта,
Тепло солдатских рук храня.
Я помню крупный папин почерк
В коротких письмах для меня.

И помню ночь. Длинные минуты.
Как стоны, мамины шаги.
И помню, шла я в школу утром
И знала: папа наш погиб.

И я крепилась еле-еле,
О горе думая своем.
А письма папины в портфеле
Лежали вместе с букварем.

Встреча с отцом

Как в тумане родные черты...
Снова сердце сбивается с ритма,
Подсказав мне, что жив ты, что ты
Возвратился — оно говорит мне.

Ты живой? Ты в бою не убит? —
Я гляжу, подавляя тревогу.
Как устал ты, отец, и не брит,
Возвращался ты долгой дорогой!

Обо всем ты узнаешь теперь:
Внуки ждут, и состарилась мама —
Столько лет наша скорбь о тебе
В жизни место твое занимала.

Я к тебе прижимаюсь лицом,
А щетина твоя, как гребенка, —
Значит, взрослая рядом с отцом
Вправе стать на минуту ребенком?

Снова памятью сердце прожгло,
Как всегда, ты уходишь в молчанье...
То ль от сна, то ль от утра светло
И печально, светло и печально.

Терновый куст

Терновый куст развесист и колюч.
Но забываю в этот миг о риске,
Как будто нет передо мной ни круч,
Ни веток, лишь — слова на обелиске.

Нежданно появились за кустом
И тем сильнее душу поразили.
Я только что заботилась о том,
Чтоб терна поприбавилось в корзине.

То подымалась горной крутизной,
То осторожно раздвигала ветви.
И вдруг — слова за веткою густой
О подвиге солдатском и о смерти.

Фамилии, фамилии столбцом
И надпись: «Неизвестны остальные...»
Я тоже не увиделась с отцом,
Остались только письма фронтовые.

А воздух стал солоноват на вкус:
Далекое ли ощутилось близко,
До слез ли исколол терновый куст,
Растущий перед самым обелиском.

Счастье

Детство помнится — как из осколков,
Удивительный калейдоскоп!
Помню белую лошадь с двуколкой,
В тишине мимолетный галоп.

Будто хрупкая старая сказка —
Пыль, оставленная на цветах,
Незнакомая эта коляска
И у женщины — смех на устах...

В гимнастерку одетый мужчина
Говорил с ней, плечо наклоня.
И была у обоих причина
Не заметить пичугу — меня.

А войны отгремевшее эхо
Хоронил беспредельный простор.
Переливы счастливого смеха
Вспоминаются мне до сих пор.

Погоня

Мчат меня небывалые кони:
Речка, поле за нею, а там,
Нет, и там не уйти от погони,
Что несется за мной по пятам.

Я коней отпускаю на волю
В обернувшемся сказкой краю,
А сама становлюсь белоствольной,
На открытом просторе стою.

Налетевшему вихрю погони
Отвечаю гуденьем в стволе.
Вся надежда — на крепкие корни,
Разветвленные в отчей земле.

СТРЕЖЕНЬ

Ярославль в снегу

Я светлый образ в сердце берегу:
У зимней Волги Ярославль в снегу.

Над Волгою крутые берега
Смягчились, облаченные в снега.

А городские площади белы,
Как для гостей накрытые столы.

Во всех трамваях окна изо льда,
Белы деревья, крыши, провода.

И лишь красна морозная заря,
Как праздничный листок календаря.

Возвращение на Волгу

На Верхней Волге осень золотая
Еще звенит листом на берегу.
А он пришел, серебристо льдом блистая,
Спустили трап, а трап его в снегу.

Его семь дней на Балтике качало,
И поржавел он от волны морской.
Он бортом прижимается к причалу,
Как рыжею щетинистой щекой.

В затоне

Если Волгу замкнула зима,
Если лед укрепили морозы —
Пароходы стоят, как дома,
Мачты в инее — словно березы.

И во льду, и в сугробах — затон,
Переполненный замершим флотом.
И судов круглосуточный сон
Лишь подчеркнут ремонтной работой.

Школьник

Валенки, шапка-ушанка, ранец заплечный...
Вижу: идет этот мальчик тропинкою млечной,
Ведущей к невидимой школе
За полем.
Мимо автобусы мчатся...
— Не заблудился ли часом? —
Кто-то вздохнет озабоченно,
Взглянув за обочину
На снежное белое поле
Из автобуса... ползущего как поневоле
По простору земному, —
Так покажется, верно, пилоту
С самолета,
Снижающегося к аэродрому.
А мальчик, идущий из отчего дома
В школу
По снежному полю России,
Верится, многое в жизни осилит.

На острове

Так замкнут остров пограничный,
Так невелик, что мы с тобой
Как будто во владеньях личных,
Нам презентованных судьбой.

Теперь от моря, от форпостов
Не оторвать счастливых глаз!
Он словно ждал нас, этот остров,
Вот в этот день, вот в этот час.

И потому решили люди
Вдвоем оставить нас — вдвоем,
Где дальнобойное орудье
Молчит — немое под чехлом.

Где охраняют наше чувство,
Застыв на рейде, корабли.
Пришедшей нежности учусь я
Здесь, на краю родной земли.

Суровый остров тих и светел —
Везенье подало сигнал,
Чтоб ради нас соленый ветер
Сегодня тучи разогнал.

Областные города

Вас много, областные города,
И чем-то вы похожи неизменно.
Теперь везде — в трамваях теснота,
Теперь везде — над крышами антенны.

Все магазины на один манер
И многоместные кинотеатры.
Вот стадион. Вот привокзальный сквер
И поворот — трамвая путь обратный.

А в чем несхожесть? Может, в той реке,
Что вешний лед разламывает звонко.
В неповторимом местном говорке,
В какой-нибудь заброшенной церквенке.

А может быть, в нетронутых лесах,
Чья полоса за городом синее,
Чья хвойная, угрюмая краса
Запоминается всего сильнее.

Пускай у ваших у широких плеч
Плывет туман неоновом света,
Вам, областные города,
  ♦ беречь
Родного края тихие приметы.

Сельский музей

В селе, где еще уцелела
Ушедших времен тишина,
От школы начальной — чуть слева
Под вербой постройка видна.

Обычная с виду постройка,
Задуманная без затей.
В ней чаще безлюдно, в ней — только
Не слишком известный музей.

А тот, чьи рисунки хранятся,
Чьи письма лежат под стеклом,
Судьбу искал, вероятно,
Прощаясь с родимым селом.

Как после он жил — неизвестно,
Был в письмах скупым на слова...
В музее хранитель — из местных,
Ценитель его мастерства.

Указкой коснется вещицы —
И с чувством о ней говорит,
Без тайной тщеты приобщиться
К тому, кто у них знаменит.

И в малом большое
настолько
Пленяет сознание людей,
Что скромная эта постройка
Не зря превратилась в музей.

Гусь- Хрустальный

Здесь, где теперь, как и когда-то встарь,
И яркий блеск, и легкий звон повсюду,
Где распустивший лепестки хрусталь —
Еще искусный труд, а не посуда,

Где он еще ничей, как небосвод,
Где он возвышен так же, как прозрачен,—
Я здесь умолкла, слушая завод,
И звон до слуха доноситься начал.

Гляжу, и от сверканья граней взгляд,
От близости их богатеет снова.
Среди хрустальных неземных палат
Я будто бы касаюсь дна морского.

Иду как по подводному дворцу,
Наполненному преломленным светом,
И сказка приближается к концу
И заставляет сожалеть об этом.

Суздаль

Я долго-долго буду вспоминать
Строеня, окруженные полями.
И тихий Суздаль в памяти опять
Заблещет луковками-куполами.
Покажется на миг,
Что я смогла
Проникнуться их древними мечтами:

Я, как природа русская, светла,
Я сарафан свой
Вышила цветами.
Представлю звои
На сотни верст глуши,
Такой торжественный в вечерней выси,
Как будто воскрешение души
И в самом деле
От него зависит.

Дивная гора

Я покидала городок: пора,
Пора давно в обратную дорогу.
Опять холмы и Дивная гора
Меж ними где-то,
В стороне немного.
Там, говорят,
Над Волгою леса
Еще стоят былинные, густые:
Под облаком темнеет полоса,
И угасают листья золотые.
Растаяли надолго
Купола,
Вязь на домах старинного квартала,
Но снится ночью Дивная гора,
Которую я так и не видала.

Старые дворы

Они в тени домов многоэтажных,
Как в заводи осевшие плоты.
На них посмотришь — бутафорны, скажешь,
Остатки деревянной слободы.

Дворы живут по дедовским законам,
Калитки закрывая на засов.
А сверху нависает сто балконов
Недавно возведенных корпусов.

Висят балконы над забором шатким,
Таким кривым, как будто он ничей.
Над чучелом на огуречной грядке,
Над трубами из красных кирпичей.

Труба дымится — дом снесут позднее.
Труба остыла — дому вышел срок.
В нем окна опустевшие темнеют
И выброшена рухлядь на порог.

Но конуры своей не покидает
Дворовый пес, слободки старожил.
Он тощим стал, как лесенка крутая,
Которую всю жизнь он сторожил.

И тархтит бульдозер, тяжелея.
Глядят соседи, сдерживая вздох:
Не разберешь, дворнягу ли жалеют
Иль яблонь расцветающих рядок.

Лестница

А женщина, что лестницу в подъезде
Обычно мыла, поразила всех:
— Вам угождать, — сказала, — много чести,
Я оформляюсь на работу в цех.

Мы обсудили общую заботу,
И снова воцарилась тишина.
И вот уже «вела» свою субботу
Высокого начальника жена.

А у соседки этажом повыше
И стирка, и готовка про запас.
Но муж с метелкой на площадку вышел,
А телевизор выключил на час.

У модницы Наташи от напасти
На личике отчаянья печать.
Ведерком брякнув, вымолвила: «Здрасте!»—
С тех пор соседей стала замечать.

И даже тот, с утра обычно хмурый,
А к вечеру неясный, как туман,
Не уронил на лестнице окурок,
А положил задумчиво в карман.

Утро

Я, перед тем ругая стужу
И не ища во зле добра,
Воспрянула — едва наружу
В потемках вышла со двора.

От снега, выпавшего за ночь,
Свет возникал, как из земли,
Так заразителен — казалось,
Что всюду окна рассвели.

Дверные дрогнули затворы,
И ясно было вдалеке,
Что говорили светофоры
На лаконичном языке.

И я легко с простором этим
Дышала воздухом одним,
И ранних путников заметив,
И ощутив причастность к ним.

Давние места

Я не забыла давние места,
О них воспоминания так живы,
Что связывают с ними, словно жилы,
Но там сейчас такая пустота!

Для сердца пустота, а не для глаз,
А впрочем, и для глаз, раз сердцу пусто.

Центральный район
Музыкальный институт
Формы и ритмы

МУК «ЦБС»
г. Ярославля

Ах, если бы мне было только грустно,
Мне больно возвращаться к ним сейчас.

Там каждая тропинка, как строка
Написанной мне дружеской записки,
Но тех, кто написал, с кем были близки,
Уже не встречу там наверняка.

И лишь воображение хранит
Все, как того хочу: без измененья.
Как будто можно быстрые мгновенья,
Не убивая их, одеть в гранит.

Товарняком

Тяжелая дрожь сотрясает вагон,
Надвинулась ночь незаметно.
Мы в тамбуре едем, товарняком,
И нет нам защиты от ветра.
Мы в тамбуре едем: скрипенье и лязг,
Грохочут под нами колеса.
А справа от нас и слева от нас
Несутся, мелькая, березы.
Мы встали тесней,
Чтоб никто не продрог.
Глаза лишь прищурены зорко:
Горит за полями ночной огонек
У самого горизонта.
Толчок — и опять из вагона в вагон
Раскаты железного грома.
Пролег от зари до зари перегон,
И звездное небо огромно.

Лишь ветер,
Не слышно ни вздоха, ни слов.
Лишь верится, все ей по силе —
Земле с этим белым свеченьем стволов,
С певучим названьем — Россия.

*

Я вышла из избы и поняла,
Что я забыла, что такое звезды.
Стояла тишина, и было поздно,
А за избой в лесу таилась мгла.

Над головой струился синий свет.
Казалось, что от этих звезд забытых,
Таких необычайных, нервобитных,
Свободного на небе места нет.

Они сияли в темной глубине.
А на опушке елка, словно лестница,
Подставленная к огненному месяцу —
Достань его, — манила в стороне.

Но почему-то возвращался взгляд
К созвездиям над деревенской крышей.
И в самом деле, можно было слышать,
Как меж собою звезды говорят.

*

Слава богу, что есть поезда,
Что отходят они от перронов,
Что увозят они навсегда,
Навсегда
                    безнадежно влюбленных.

От давящих несказанных слов,
От беды, обретенной навеки,
За дремучие дебри лесов
И тягучие русские реки.

Обласкают деревья меня,
Успокоят прохладные воды,
И навеки уверую я
В сокровенную силу природы.

В заповедной лесной стороне,
Где листве горячо от багрянца,
Все пройдет... Разве только во сне
Будет прежняя боль повторяться.

*

Я ожидала: скоро ли придешь,
С каким попутным облаком нагрнешь?
Ты мне необходимым стал, как дождь
Печально засыхающей поляне.

На ней поникли нежные цветы
И желтизна уже проникла в травы,

Но грянул дождь—склонившись, обнял ты,
Склонившись, обнял, это было главным.

Что будет после, отгадать не тщусь —
Пахнёт ли мятой, обожжет крапивой.
Во мне сейчас такая свежесть чувств,
Что грех себя не чувствовать счастливой.

Соловьиная ночь

Рассыпается шелканье в пуще,
Льется свист соловьиный с ветвей.
И на миг замирает идущий
На дороге пустынной своей.

Словно не был до этого зрячим,
Он, забыв про дневные дела,
Замечает, что полночь прозрачна,
А лесная дорога светла.

Замечает, что зелены кроны,
Забывая заботы свои.

Рядом цокают, как в микрофоны,
В придорожных кустах соловьи.

*

Здесь различишь еще мои следы,
Прикрытые узорчатою тенью.
Я для тебя придумала сады
С той синей, как у Врубеля, сиренью.

Раздвинулись тяжелые дома.
Я прямо в гроздьях распахнула двери.
И красоте поверила сама,
И ты со мной в сады мои поверил.

В них плещется озерная вода
И птицы удивленные ликут...
Ты так всему поверил, что сюда
Привел однажды женщину другую.

И помутнело зеркало воды,
И ты опять ступил на мостовую.
Я для тебя придумала сады,
Но без меня они не существуют.

*

Умирают зимние березы
Не свою смертью — от пилы!
Вздрагивают в воздухе морозном
Крепкие, упругие стволы.

Высоки. Замедлено паденье.
Но конец настал, как ни тяни!
Может, жизнь от самого рожденья
Вспоминают, падая, они.

И нельзя найти тут виноватых,
И тяжел у лесорубов труд.
Но шумят березы глуховато
И невольно за душу берут.

Чтоб земля им не казалась грубой,
Перед ними стелются снега.
Ударяет в лица лесорубов
Поднятая ветками пурга.

*

Я улетаю в Кукобой одна,
К дремучим елкам — далеко на север.
К речонкам то лазоревым, то серым,
В суровый край, где стынет тишина.

Я улетаю. Местный самолет
Наполнен весь рокочущим гуденьем.
Подрагивают жесткие сиденья,
И крылья, и в наушниках пилот.

Я не грустить не в силах без тебя,
Разглядывая сумрачную чашу.

Себе кажусь я облаком летящим
С серебряными нитями дождя.

Как прежде, я тянусь к лесной глуши,
К задумчивости троп ее и просек.
А подо мной непуганые лоси
И зелень свежевыросших вершин...

Мне ниспошлет премудрость тишина
И объяснят нетронутые травы —
В чем правы мы с тобой, а в чем не правы...
Я улетаю в Кукобой одна.

Белогривая тройка

Словно нет впереди городов,
Словно спят под снегами деревни...
Украшают пушистый покров
У железной дороги деревья.
Скорый поезд наш словно скользит,
Пробегает лыжнею стальнойю.
А вдали, а вдали и вблизи
Только снежные хлопья стеною.
Впереди ни звезды, ни зари:
С белым снегом дорожная встреча.
Полустанок зажег фонари —
Это значит, что близится вечер.
Поезд делит поля пополам,
Принесла проводница постели.

Но летит без дорог по полям
Белогривая тройка метели.
Обгоняя вагоны, летит:
Кони мимо окна промелькнули,
Полумесяцы звонких копыт
Вновь мороз подковал накануне.
Поезд времени словно не в счет,
День забылся, идущий на убыль.
И волнует, как встарь, и влечет
Удила закусившая удаль.

*

О, это невысокое окно,
В котором только ветра дуновенье. —
Мне кажется, твой стук хранит оно
И взгляда твоего прикосновенье.

Но говорит мне поздняя звезда,
Что утешаюсь тщетною мечтою.
Так безнадежно комната пуста,
Как сердце переполнено тобою.

Чужая яблоня

То ли яблоки рдеют на ветках,
То ль фонарики кто-то зажег.
Я подумала: яблоню эту
Только сказочник вырастить мог.

Лишь подумала — и за оградой
Увидала его самого.
Но спросил он с угрюмой досадой,
С подозрением: «Тебе тут чего?»

Растерялась, не ведая толком,
По тропинке ушла далеко ль,
Бескорыстно любуясь поселком,
И садами вокруг, и рекой.

А над яблоней вспыхивал ярче
Облаков голубеющий мел.
Было трудно поверить, что алчен
Тот, кто вырастить чудо сумел.

*

Ты улыбкой, как солнышко, брызни,
Выходя поутру из ворот, —
Понимаешь, у каждого в жизни
Предостаточно будних забот.

Разве любви нам хмурые лица
Или чья-то сердитая речь!
Ты улыбкой сумей поделиться
И ответную искру зажечь.

Чтобы, взглядом тебя провожая,
Отрешались от мелочных дум.
Чтобы тронула радость чужая
Даже тех, кто душою угрюм.

Понимаешь, на целой планете
Ничего замечательней нет,
Чем улыбка, которая светит,
Чтоб другая светилась в ответ.

Свет в ночи

А в темноте напротив, где стена, —
Ночной, непроницаемой, пустынной —
Зажегся свет и словно глыбу сдвинул,
Вдруг обозначив глубину окна.

Не гаснущий в кромешной темноте,
Свет этот яркий, заключенный в раму,
Почудилось — возник в пространстве прямо,
Фантастике подобен и мечте.

Но в замкнутом оранжевом краю
Растаяли плоды воображенья:
Там чье-то деловитое движенье,
Там кто-то глянул в сторону мою.

Я спохватилась: тоже не секрет —
Свет в комнате моей, прикрытый шторой,
Он жаждет, как любой огонь, простора,
Пока окно не погасил рассвет.

В озерке зеленом днем погожим,
Серебрясь, купаются лучи.
Расстелили гнезда, как рогожи,
На деревьях вековых грачи.

Без конца кричат они о чем-то,
Чем-то озабочены всегда.
Может, тем, что вот опять грачонка
Вытряхнуло ветром из гнезда,

Что сидел потом он под ветлою,
Той, которой скоро двести лет,
Под стволом с морщинистой корою,
Удивляясь, как обширен свет.

А когда за огород в сурепку
Гнал его безжалостно испуг,
Крылья, не успевшие окрепнуть,
Бились, словно рукава без рук.

На реке

Как обещанье, манит, манит,
Вся серебрясь издалека.
А понимаю, что обманет
Мою доверчивость река.

Но от привычного, земного
Как отрешась и в этот раз,
Я замираю в рубке снова
И не свожу с излучин глаз.

И забываю отчего-то,
Хотя и знаю наперед,
Что там, за дальним поворотом,
Всего лишь — новый поворот.

Водный путь

По озеру, каналу, по реке
Да по морю искусственному плыть.
И вмиг заметить бакен вдалеке,
И пароход на мель не посадить...

И вглядываться в темень по ночам,
Прожектором ощупывая плес.
Сойти на кратковременный причал
И удивиться шелесту берез.

Потом, пройдя по рыхлому песку,
Курить, и разбираться в новостях,
И чувствовать себя на берегу
Не буднично и словно бы в гостях.

И снова дом оставить вдалеке,
Неисправимым речником прослыть.
По озеру, каналу, по реке
Да по морю, меж бакенами, плыть.

В плаванье

Все ниже борт,
Все ниже ватерлиния.
Почти соприкасается она,
Бордовая, с водою темно-синею,
Слизнуть ее пытается волна.
Вот убран трап.
Вот занялись швартовыми.
С причала голос — словно в пустоту:
Не слышат белозубые, бедовые,
Командой всей авралят на борту.
Забыто все, что к берегу относится,
Но в дальнем рейсе вспомнятся потом
И улиц городских разноголосица,
И меж домами самый близкий дом.
Пригрезятся и тополи вечерние,
И у забора досточка — скамья.
К воде пристрастье,
К палубе влечение
Простит ребятам добрая земля.

Что им далась дорога эта синяя?
Уходят в рейсы вновь они и вновь.
А их любовь к реке
Такую сильную
Не объяснишь — на то она любовь.

Речнику

По какой реке сейчас плывете,
Снова ночью бодрствуя и днем?
И какие новости на флоте —
В мире переменчивом речном?

В час, когда еще побережью спится
И заря не выстлала лиман,
Танкер ваш на плесе серебрится
Или одевается в туман?

Далеко ль ушли вы от низовья?
И опять, как в прошлую весну,
Все ль еще у речки в изголовье
Снег лежит, затерянный в лесу?

Трясогузка, утомясь в полете,
На корме сидит ли, свеся хвост?
Груз какой сегодня вы везете
По реке весенней в леспромхоз?

А вода, наверно, прибывала,
Размывая берега черту?
Вижу вас стоящим у штурвала
В предрассветной рубке — на посту.

*

Ожидание встречи с тобой
Почему-то зовется разлукой,
И от этого даже любовь
Временами становится мукой.

Но в борении ночи и дня
Побеждает дневное светило.
Я люблю тебя так, что меня
И полярная б ночь не смутила

Бесконечной разлуки с тобой —
Без луча, без зари, без просвета.
Я жила бы надеждой: любовь,
Словно солнышко, прячется где-то.

Дом у реки

Простор реки разлившейся, и дом,
И дерево меж домом и рекою.
Плывут суда, и в сумраке ночном
Прожекторы окошко беспокоят.

Вдруг в комнате становится светло,
И дерево, очерченное четко,
Ложится на оконное стекло
Нагих ветвей причудливой решеткой.

Сучок зигзагом, веточка чертой
В луче минутном движутся, чернея...
Огни судов проходят чередой —
И тени веток вижу на стене я.

И не могу от этого уснуть,
Преследуют воображенье ветви,
Я вижу их сквозь сомкнутые веки,
И я встаю и собираюсь в путь.

*

На облака, сваявшися в кипе,
Закрывшие надолго окоем,
Глядит, как будто ждет чего-то шкипер
На тихом дебаркадере своем.

Потом идет усталою походкой:
Он недоволен далью в облаках,
Он недоволен плесом, ветром, лодкой —
Из-за ломоты в стынущих ногах.

Кого угодно выбернит в досаде,
Когда причалит грузно теплоход
И покачнет неловко дебаркадер
И дебаркадер словно поплывет...

Все на реку глядит, насупя брови,
На ней он знает каждый поворот.
Он отдал ей и силы, и здоровье,
С рекою разлучи его — помрет.

Ледостав

На рейде словно перемолот лед,
Течение еще уносит льдины,
Но меж зимой и осенью идет
С исходом предрешенным поединок.

И нефтевоз торопится домой,
Пробив заслоны изо льда сплошного.
В водовороте за его кормой,
Ныряя, лед выныривает снова.

Осколки льдин — осколками зеркал.
И ярче, чем посередине лета,
Над лесом солнца огненный накал,
На плесе отсвет огненного цвета.

Но солнце скоро круг свой совершит,
И синей мглой оденется округа.
И в тишине услышишь: лед шуршит,
То льдины наползают друг на друга.

Глаза друга

...Я не о том совсем, какого цвета,
Хотя не скрою — у него они
Подобны небу в Подмоскovie летом,
Когда стоят безоблачные дни.

По отклику в себе, что не обманет,
Я, с ними встретясь, вскоре поняла,
Что их доброжелательным вниманьем,
Как тишиною лес, напоена.

*

Если правда, что на расстоянье
Мысль передается иногда,
На тебя прольет свое сиянье,
Сна лишая, поздняя звезда.

Ты протянешь к книжной полке руку
И вздохнешь тревожно: нет, не то...
И начнешь звонить зачем-то другу,
И накинешь на плечи пальто.

Будет сердца стук, как гул набата.
Тень твоя метнется на стене.

Ты пойдешь по спящему Арбату,
Как по заколдованной стране.

Под холодным взглядом манекенов,
Под огнем изменчивых реклам...
Словно встречи ожидая с кем-то,
Будешь ты смотреть по сторонам.

Но пока ты глаз моих не вспомнишь,
Голоса не вспомнишь моего,
Не зови ты никого на помощь,
Не придет она ни от кого.

Тонкий месяц выплывет к зениту,
Промелькнет такси, и — тишина...
Словно стрелка компаса к магниту,
Мысль моя к тебе устремлена.

Спутница

Приветливо в простом ее рассказе
Звучали украинские слова,
Мы с нею долго ожидали «газик»,
Между собой знакомые едва.

И мне казалось: вербы и дорога,
Которой мы отправились с утра,

Напоминают мне об очень многом
Загадочною близостью Днепра.

Казалось, если пристально взглядеться
В бегущую дорогу и сады,
Отыщет очарованное сердце
Родные позабытые следы.

И смысл напоминания был светел,
Былое — осязаемо почти.
А «газик» стал на круче, словно встретил
Незримую разгадку на пути.

Сады ли Приднепровья подсказали
Все то, что мне пригрезилось с утра,
Иль украинка карими глазами
В мои глаза взглянула, как сестра.

Бабушка

В дни, когда к концу клонилось лето
И осталось на полях жнивье,
Бабушка у нас совсем ослепла —
Солнышко померкло для нее.

Не встречает нас на зорьке ранней,
Не глядит в окошко на поля.

И не знает, что в горшке с геранью,
Как в пустыне, высохла земля.

Нет в избе привычного порядка —
Не хлопочет бабушка с утра.
В избу на экскурсию хохлатка
Выводок приводит со двора.

Сор опять не выметен под лавкой,
Самовар заглохший не кипит.
Лишь платок, заколотый булавкой,
Бабушка тревожно теревит.

И, наверно, нет сильнее муки
Для нее, чем этот неуют.
Не привыкшие к безделью руки
Бабушке покоя не дают.

*

За какие заслуги, не знаю,
Мне подарена нынче судьбой
Между сосен дорога лесная
С лунным светом,
С неспешной ходьбой.
С тишиною, звенящей и хрусткой,
И пустынностью в небе большом,
Где зачерпнуты синие сгустки
Покренившимся звездным ковшом.

Мне подарены четкие тени,
Хвойных веток пахучая мгла.
От тревог, от душевных смятений
Наконец-то уйти я смогла.
От бессонницы маяться мне бы,
Если б не был нечаянно дан
Путь с вершинами сосен до неба
И мерцанием снежных полян,
Снег несмятый
У самой дороги,
С синеватым отливом вдали...
Наполняются легкостью ноги,
Словно нет притяженья Земли.

Первый лед

Река замерзла. Лед блестит слегка
И в лунном свете кажется лимонным.
Покрыты свежим снегом берега,
И серебрится воздух над зимовьем.

Оно на том, высоком берегу,
И лес за ним — как на старинной черни.
А переправы нет через реку,
Мерцающую в сумраке вечернем.

Стою с тобою перед кромкой льда.
Луна и снег — тот берег виден четко.
Но близко-близко подо льдом вода,
И вмерзла в лед покинутая лодка.

И на губах моих как будто лед.
Как холод — затянувшаяся ссора:
Ты промолчал весь вечер напролет,
И я не начинала разговора.

И вот на лед идешь ты — шаг, второй...
Хотя бы оглянулся: как я? где я?
А я по тонкой корке ледяной
Ступаю за тобою, холодея.

И остается сзади лунный наст.
Мы вместе поднимаемся на берег.
Лед отчужденья тает, тает в нас,
Хотя мороз на речке не слабеет.

ВОСТОЧНЫЙ БЕРЕГ

Верность морю

Он переулочком, где мы живем,
Еще и звезды не совсем погаснут,
На берег отправляется к баркасу,
И мы его до вечера не ждем.

Седой, как шторм, артельный бригадир,
Он предан рыбакам трудом и словом,
Он, занятый сейчас прибрежным ловом,
Каких глубин за жизнь не проходил!

Враждебную морскую глубину
Непоправимо помнит минным полем
И говорит, что щедрость жизни понял,
Провоевав подводником войну.

Он с морем не расстался и потом.
Раскуривает трубку молчаливо,
Оглядывая серебро залива
Со взгорья, где решил построить дом.

Взаимосвязь

Когда легко и думалось, и пелось,
Когда казалось — трудности не в счет,
Не понимала, что наступит зрелость
И все, что было, вспомнит и учтет.

Хотя не спору: юность необъятна,
И это подтверждается поздней,
Когда поймешь, как опытность богата
Неповторимостью минувших дней.

Детство

Такой ли Феодосия была?
Воспоминанья детства так неточны!
А может быть, об этом я прочла
И все придумал
Сказочник восточный?
Но был же,
Был же старый абрикос,
Касались ветки черепичной крыши...
Он дворе у нас когда-то рос,
И от плодов он становился рыжим.
И ослик был. Он на зиму возил
Нам антрацит.
Взбиралась я на козлы.
И горы были за двором, вблизи,
И крапинки на их вершинах — козы.
По вечерам спускались с гор стада,
В порту огни таинственно мерцали.

Дома на главной улице тогда
Казались двухэтажными дворцами.
Кончался город берегом морским.
Я не могла на волны наглядеться...
Все изменилось, стало все другим,
Одно лишь море
Синее — как в детстве!

*

Я прятала портфель под камень
И прибегала налегке.
Вернулась лодка с рыбаками,
Сушились сети на песке.

Еще корма блестела влажно
В кольце ребяческих голов,
А рыбаки ходили важно
И на весы несли улов.

Они вставляли в рань любую,
Не разговаривали зря,
И розовела барабуля
У них в корзинах, как заря.

А мне земля казалась тесной,
И море синее влекло.
И было самым интересным
Из всех — рыбацье ремесло.

То ей хуже, то снова полегче,
Я касаюсь натруженных рук,
Утешаю: «Подлечишься, вместе
Мы поедem с тобою на юг...»

Как состарили маму заботы,
Голова на подушке седа.
Вспоминаю, как мама с работы
Шла вдоль берега моря всегда.

Ей без моря, наверное, скука —
Да и как без него не грустить! —
Но на север приехала — внуков,
О себе забывая, растить.

А теперь вот надежда во взоре,
Хоть не выставит чувств напоказ.
Знаю только, что память о море
Помогает ей лучше лекарств.

Стрижи

Они, как будто на бумаге,
На небе бледно-голубом
Молниеносные зигзаги
Прочерчивали за окном.

Их столько было рано утром
И предвечернею порой,
Что небосклон казался мутным
От их мельканья над горой.

Иной носился низко-низко,
Ловя у окон мошкарю,
И вверх взвивался, словно искра,
Вдруг чиркнув клювом по стеклу.

В ответ, не удержась от вскрика
И восхищения полна,
Я над вьюнком, ползущим тихо,
Звенела створками окна.

И проносились возле крыши
И над черешнею стрижи.
А радость поднималась выше,
До неба строя этажи.

Рыбачье утро

Сеть перебирали напряженно,
Наклонялись над кормой без слов.
К сапогам сползал большой,
Тяжелый,
Словно ртуть, трепещущий улов.
Мелкую рыбешку на свободу
Вытряхнули в море, чтоб росла.
Снова сети опустили в воду,
Водоросли сбросили с весла.
И поплыли, разбивая пену.
Медленно гребли — не налегке!

...Утренний автобус, самый первый,
Только показался вдалеке.

Глубинный лов

Фелюга встала кормою к ветру,
Слетают брызги с крутой волны.
Тяжелых камбал подняли кверху
Из тьмы зеленой, из глубины.

Горячий воздух хватая жадно,
Открыли рыбы большие рты.
На ярко-красных махровых жабрах
Еще осталось чуть-чуть воды.

Рыбачат парни, а их качает.
И отражаются в их глазах
Качанье снасти, качанье чаек,
Воды играющей бирюза.

Ударит ветер, волна умоет.
Кивают парни: берись дружней!
Корма, качаясь, кренится к морю,
А может, море кренится к ней.

*

Вот зеленою краской забор подновил...
Вот смородины куст посадил в палисаде...
Старый грузчик портовый, он все норовил
Что-то вырастить, выкрасить, что-то приладить.

Но однажды гудел репродуктор в углу,
А хозяин на стул опустился без силы...
Умер в праздник, гостей поджидая к столу,
Видно, времени в будничнй день не хватило.

Цветы с корабля

...И вот вдали, на корабле,
Зажглись огни сперва —
Внезапно вспыхнули во мгле
Тревожные слова.

Он приближался — шум волны
Его опережал,
И свет на сморщенной воде
Метался и дрожал.

Нагроможденье скал и глыб
Он осветил лучом —
Здесь экипаж его погиб
В сражении ночном.

И вот цепями якорей
Опять он громыхал,
И катер вез других парней
К подножью этих скал.

Их посылал среди темноты
Корабль в ночных огнях.
Пылали алые цветы
В обветренных руках...

Неспокойное море

Если штиль — для чего ж волнолом!..
Лишь мальчишек ныряющих стайка,
Лишь качнувшая плавным крылом
Неподвижно парящая чайка.

От нее уплывая, мальки
В глубину ускользнули мгновенно. .
Вот на берег сошли моряки,
Направляются в город, наверно.

Стосковались по суше они
И теперь — в настроенье хорошем.
Вот старик на скамейке в тени
Повествует соседу о прошлом.

А спокойного моря пора —
Не предмет для суровых рассказов,
Потому что опять крейсера
Поважнее рыбацких баркасов.

Слово о Керчи

В ожиданье солнечного мига
Встречи, несравнимая, с тобой
Показался мне открытой книгой
Шелестящий на камнях прибор!

А когда ненастной порою
Море о былом заводит речь,

Слышу голоса твоих героев,
Их «ура-а!» отчаянное, Керчь.

Ноют ли затянутые раны
Непогодой скрытых берегов,
Иль восходят над водой туманы,
Как десант погибших моряков,

Никуда от памяти не деться,
Лишь добавлю, помня и скорбя,
Что война мое настигла детство,
Керчь, неподалеку от тебя.

Я б сказать осмелилась: близка мне
И любима мною, как сестра, —
Но суровы керченские камни,
Недоступна Митридат-гора...

Первый пароход

Наш пароход качнулся на приколе,
А предыдущий — в море затонул.
А мины и потом взрывались в море,
И до земли докатывался гул...

Я поднималась первый раз по трапу,
Нас страховал встревоженный матрос.
А я рукой придерживала шляпу —
Боялась, как бы ветер не унес.

Открылось море, выгнутое круто,
А дальний выстрел хлопнул, как дверьми.

Была как улей каждая каюта,
И палуба полна была детьми.

И вот отчалил, гомоном нагружен,
Мой самый первый в жизни пароход.
Его и консервированный ужин
Нам предоставил Черноморский флот.

Махали крылья чаек на прощанье,
И расходился за кормою след...
Что в этом рейсе повезло случайно,
Я после осознала, повзрослев.

Конь

Сады стояли с перезрелой вишней
В пустынных переулках городка,
Когда из балки к палисаду вышел
Казачий конь. Один. Без седока.

Седло сползло, насторожилось ухо.
Он шел к колодцу — мучила жара.
Коня в окно увидела старуха,
Всплеснув руками, вышла со двора.

Пылал пожар над городом багрово:
Как сноп, вокзал подорванный горел...
Здесь знали все: за скрытую корову,
За лошадь утаенную — расстрел!

А в переулке было тихо-тихо,
Не углядела даже ребятня,
Куда сховала бабка Воробыха
Спасенного от ворога коня.

Поселок

Безбрежно море, но суха земля,
Она местами здесь седа от соли,
Привычна к ветру, и от ветра с моря
В поселке серебрятся тополя.

Вздохнет приезжий: не на что смотреть,
Так пропылился на ветру поселок!
Но так вдруг вспыхнет стеклышка осколок,
Что мог бы целый город обогреть.

Зной

И колючки вокруг сожжены,
Лишь бессмертники ярко-лиловы.
Пожелтевшие скудны покровы,
Но отару пасут чабаны.

Вон один из них глянул вперед
И опёрся на палку картинно:
Зоотехник Лычко Катерина
По сожженному склону идет!

Оттого ль, что на склоне видней,
Как цветаст сарафан недотроги,
Он глядит далеко на отроги,
Сделав вид, что не знает о ней.

Но овчарка, постигнув нутром,
С чьей не в силах он справиться властью,
Жарко дышит разинутой пастью
И встречает, виляя хвостом.

Сон

Мне снова снились очертанья гор
И море беспредельное за мысом —
Простор, знакомый сердцу с давних пор,
Но только освещенный новым смыслом.

Я с вышины взглянула, замерев,
Идя по тропке, словно по карнизу.
И в этот миг, разинув синий зев,
Меня волна подстерегала снизу.

А слабый голос увещал: вернись,
Вернись, вернись назад, пока не поздно!
Но только чайки устремились вниз,
Но только скалы обрывались грозно.

И солнце, опускаясь за хребты,
От собственного зноя увядало...
Вернись тогда я — этой красоты
Теперь бы и во сне не увидала.

На родном берегу

Дорога к морю и холмы, как плечи,
Чьи очертанья круглые легки,
И на душе все радостней и легче,
Как от пожатья дружеской руки.

Когда же незаметно одолела
Знакомый путь и на песок легла,

Я ощутила и душой, и телом,
Что здесь исток глубокого тепла.

И, слушая рассеянно сквозь дрему,
Как бьются волны, галькою скребя,
Я берега осеннюю истому
Вбирала с наслаждением в себя.

И, может, невеликую затею,
Но все-таки исполнила не зря,
Ведь даже всемогущему Антею
Давала силу отчая земля.

*

Мне здесь еще пожить бы,
Мне бы снова
С поядневым зноем встретиться лицом.
На козых тропках выжженного склона,
Я с детства помню,
Пахнет чебрецом.
Не понимала,
Что была счастлива,
Когда, поднявшись по троне крутой,
Всю ширь Феодосийского залива
Я видела с горы перед собой.
Глядеть бы и теперь, не разлучаясь,
На — светлый утром, потемневший днем —
Морской простор, на белокрылых чаек,
На краснокрылый флаг над кораблем.

Над карьером

А карьер пролегал, что река,
Хоть не мог сохранить он прохладу:
Справа — горы земли и песка,
Слева — срезы, открытые взгляду.

Обнаженность заржавленных жил
Даже здесь не казалась обычной.
То ли ковш над рудою кружил,
То ли коршун над крупной добычей.

*

Нет, все-таки не вздыбленное взгорье
С уступом наподобие крыльца —
Я степь люблю, открытую, как море,
Которой нет ни края, ни конца.

Такой простор, обласканный ветрами,
Чтоб ни во что не упирался взгляд,
Когда закат пылает вечерами,
А ночью звезды четкие горят.

Дождь в Крыму

С утра трещит, разламываясь, небо,
Трещат удивленные сады.

■ весь дождь сто дней и мимоходом не был,
■ вдруг — потоки хлынувшей воды.

Справиться не хочет от испуга
Леска пирамидальных тополей.
■ слышно, как размашисто, упруго
Тяжелый ливень хлопает по ней.

Черной залив, еще недавно синий,
Весь тенью дождевой заволокло.
Словесный зной, внезапно обессилев,
О берег раскололся, как стекло.

*

В этом доме как будто живых не осталось.
Как вода, затопила его тишина.
Пригавила к земле одинокая старость
Все четыре его невысоких окна.

■ намыливают деревья зеленым массивом
■ скрипучие створки забытых ворот.
■ лежат на земле перезревшие сливы —
Если дом опустел, кто же их соберет!

Только кукла сидит на дровах, за сараем,
■ вымокла одежда на ней от дождя.

Только летний сквозняк занавеской играет,
Самовольно по дому пустому бродя.

Дремлет пес под окном (а ведь был неумный
Да, наверно, сломила его тишина).
И седая старуха включает приемник,
Чтоб казалось, что в доме она не одна.

После шторма

Морской капусты кружево, клешня,
Кругляшки стекол, сточенных водою,
Ракушка с водорослью-бородою —
Всё на песке, где горячо ступням.

Еще бежали волны по камням
Последней затихающей грядою —
Какую-то неясною бедою
Повеяло с побережья на меня.

Оставшись после шторма на песке,
Все, высыхая, становилось сором,
Напомнив о размолвке вдалеке.

Все мелочь бы, подхваченная ссорой,
Но вспомню обо всем — и боль в виске,
И словно якорь ненароком сорван...

В непогоду

Над морем тучи надвигаются,
А волны катятся гудя.
Сосна — угрюмая красавица —
Едва спасает от дождя.

Усыпан хвойными иголками
Вмиг приглянувшийся приют.
А волны брызгами прогорклыми
Сюда и в шторм не достают.

Воспоминанья ливнем хлынули,
Смывая новые следы.
Тогда, к сосне прижавшись спинами,
Вдвоем спасались от воды.

Я не замерзла, я оттаяла,
Твоим согретая плечом...
А чайки мечутся отчаянно,
А ведь не знают ни о чем.

Родство

Так меня поманила вода,
Что, забросив работу по дому,
Я сумела спуститься сюда
Вот по этому склону крутому.

Я своя — не спугнула с камней
Безмятежное общество чаек,
Здесь такое доверье ко мне,
Словно берег его излучает.

Я своя, и поэтому, храбр,
Из воды появился на камне
И в глаза мне уставился краб
Так спокойно — хоть трогай руками!

И от берега моря до той
Беспредельной черты горизонта
Я расту, вырастаю душой,
Отрешенной, внимательной, зоркой.

Краб

Поймали краба водолазы
На дне морском, где меркнет свет.
Он, желтобрюхий, пучеглазый,
Жил под камнями много лет.

Ему спина — лиловый панцирь —
Служила прочною броней.
Как угрожал он нашим пальцам
Своей тяжелою клешней!

Он был по-своему красавец.
Мы, чудо-пленником гордясь,
Решили море предоставить
Ему, зачерпнутое в таз.

Краб жил в тазу, ел мясо чинно.
Мы так заботились о нем!
Но яркий панцирь, дар пучины,
Тускнел у краба с каждым днем.

Краб словно не был рад, что выжил.
Хоть тронь — спокоен все равно:
Клешни уперлись неподвижно
В эмалированное дно.

Имя дерева

Непогода во владенья лета
Ворвалась, доспехами звеня.
Помню я, от ливня и от ветра
Защитило дерево меня.

С той поры одно меня печалит,
Лишь припомню к морю спуск крутой:
Не узнала я, как величают
Дерево с раскидистой листвой.

Словно я, напуганная ветром,
У камней, где плещется залив,
Повстречалась с добрым человеком,
Как зовут, спросить о том забыв.

*

Когда уходят в море корабли
И заслоняет их простор зеленый,
Тут что-то есть от той неразделенной,
Высокой, но мучительной любви.

Покинутая пристань о морях
Лишь по рассказам, понаслышке знает,
За горизонтом мачты исчезают,
И вслед им смотрит преданно маяк.

Дыхание моря

Я слышу в крови моей
Родное дыханье твое,
Черное море!
Ты так далеко от меня,
Что я закрываю глаза,
Чтобы видеть тебя,
И волны твои
Чуть колышут
Морскую траву на камнях,
Рыжую и зеленую.
А осенью поздней
По пляжу брожу,
И рядом ни одного человека,
Лишь волны взлетают с разбегу
И брызги в мое попадают лицо.
А на душе
Так легко и привольно,
Словно юность моя
Протянула мне руки,
Из пены твоей возрождаясь.

МАЛЕНЬКИЕ ПОЭМЫ

Долгий свет

*Памяти
Ольги Ивановны Назаровой*

I

Вы с мамою сестры родные,
Я жизнь вспоминаю твою.
Письмо не напишешь отныне,
Лишь старые вновь достаю.
Безликим туманом забвенья
Не скрыты и духом чисты,
Мне видятся в эти мгновенья
Твои золотые черты.

II

— Здесь море от солнца искрится,
Здесь красной покрыт черепицей
Саманный приземистый дом
С широким, как небо, окном.
Но послевоенное лето —
Смешение тени и света:
— Родная, сестру обними,
Приехала вместе с детьми!
У нас безотцовское детство,
Войны отгремевшей наследство.
Родная, объятья открой,
Запомнись навек — добротой!

III

Я помню во дворике тесном
Большое плетеное кресло,
Но рядом росли не цветы,
А лишь помидоров кусты.
Над грядкой голодные взоры:
— Ну, где же они, помидоры? —
И в густо-зеленом в ответ
Краснейший проглядывал цвет.
Один помидор, а назавтра
Их несколько — к хлебу на завтрак.
И помню я: сбоку стола
Сидишь ты, лицом весела.
Твой взор, одолевший унынье,
Я помню, родная, доньше.
Да только пустует твой дом
И место твое за столом.

Тетрадки знакомые стопкой
И время полночной тиши.
Был труд твой учительский соткан.
Я знаю, из нитей души.
Вот если б построить в колонны
Взросших питомцев твоих!..
Я помню твой профиль склоненный
И свет над тетрадками их.

IV

Ты в нимбе, в серебряном дыме —
Когда они стали седыми,
Полночные волны волос?..
Прости мне беспечный вопрос!
Мы виделись каждое лето,
Пришла седина незаметно,

Подкралась к твоей голове,
Пока я училась в Москве.
Учеба — одна лишь забота!
А ты, продолжая работать,
Ты слала мне в точные сроки
Б стипендии пенсии крохи.
И я не сидела голодной,
Не мерзла в одежде холодной —
Вот так, из Москвы не видна,
Густела твоя седина.

V

Здесь розы цвели у порога.
И воню: ни слова упрека,
Что снова, приехав едва,
Я там уж, где синь-синева.
А сердце от радости пело.
Увы, я понять не успела,
Любуясь простором морским,
Как грустно становится с ним,
Как мало распахнутой сини —
Без капли надежды всесильной,
Что встречу, вернувшись назад,
Разной понимающий взгляд!

VI

Остыну к морскому избытку,
Во дворик открою калитку:
Все тот же морщинистый ствол,
Все тот же под деревом стол.
И заняло прежнее место
Все то же плетеное кресло,
Но рядом — другие цветы,
Из которых не видела ты.

Ты их никогда не увидишь.
Из дома навстречу не выйдешь.
И часто с печалью эскадрой
Раскланиваются со мной
То женщина вдруг, то мужчина —
Твой выпуск последний. твой класс!
Но сблизила нас не кончина,
А свет, что еще не погас.

Счастливым плес

1

Приуныв, решаешь ты: развод! —
Как всегда, к утру сменившись с вахты.
А друзья сочувствуют:
— Да ляг ты,
Отдохни, письмо еще придет. —
Ты и сам надеялся, но вот
К пристани причаливали снова —
Пачка писем, а тебе — ни слова.
И опять — как шок: развод! развод!

2

А тогда любимой красота
Так очаровала после свадьбы,
Что тебя напрасно стала звать бы
Синь реки — туманная мечта.
И, не тяготясь своей уступкой,
Разлучился ты с бессонной рубкой,
Только бы порадовать жену.
Уступил ей, вместе с ней поверив,
Что для счастья нужен только берег,
Что меж берегами — как в плену.

3

А ведь знал: в родном краю весну
Любишь за разбуженность речную.
Не жену к друзьям — реку ревную —
Удивлялся, подходя к окну.

А река звала на расстояние,
И, ожив в крови твоей, призванье
Сердце завоевывало вновь.

4

Как теперь жена ни прекословь,
Не уступишь ей в семейной буре.
Но она молчит, лишь брови хмурит,
Два крыла упрямых — к брови бровь.
Хмур и ты, ни слова в оправданье.
Бритва и рубашка — в чемодане.
Сына, уходя, поцеловал.
Впереди река, свежайший ветер
И работа лучшая на свете:
Плес знакомый, рубка и штурвал.

5

Встал к штурвалу — с этого момента
Есть лишь плеса блещущая лента
Да речных излучин завитки.
Города ль, деревни у реки
С этого ли берега с другого ль
Повторяют окающий говор —
Говор волн и Волги, и Оки,
И реки, что их намного уже,
Лишь весной судоходной Унжи.

6

Вешней Унжи затопил разлив
Берега, и островки, и мели...
Мы тепло надежное имели,
Да лишились, от него уплыв.
И пенять ни на кого не нужно,
Мы с тобой во власти двух стихий:

Увлекли навек меня стихи,
А тебя — стремительная Унжа.
Или, может, сожалеешь. штурман,
Что вернуться на реку надумал?
Нет. Нет. Нет! Но маешься, любя.
Не могу помочь тебе советом,
Хоть сама пережила все это
И не отказалась от себя.

7

А когда в свободную минуту
Снова зашагаешь ты по юту,
Я твоих раздумий не спугну
Ни докучным взглядом, ни вопросом.
Может, вспоминаешь ты над плесом.
Как недавно шел встречать жену:
Холодок неоновых свечений,
Перекресток, институт вечерний.
Там, в окне, венец ее косы,
Прочее — туман, смешенье пятен,
Ждал ты окончания занятий,
Глядя то в окно, то на часы.

8

У запястья тикая, часы
Развели тебя с мечтою хрупкой.
Снова танкер, вахта — перед рубкой
Колыханье водной полосы.
Ты к биноклю простираешь руку,
Ослепив прожектором излуку.
Даже рад сейчас, что ночь темна,
Что черна, как тушь, вода за бортом,
Рад, что по ночам трудней работа
И вниманья требует она.

А минуты единенья с плесом,
На котором начинал матросом, —
В тьме унынья счастья огоньки.
И настолько на своем ты месте,
Что за дни отступничества мезью
Не грозят излучины реки.

9

К ней приноровились речники:
Здесь река течет петлею круглой,
Там изгиб ее, почти как угол
Или локоть согнутой руки.
Пароходов встречные гудки,
Спины барж, держащих путь обратный,
Да плотов скрипучие заплаты,
Да сигнальных знаков светляки.
Лишь весной Унжа судоходна,
Вот и поспешает ежегодно
Флот сюда, едва растает лед.
Хоть и есть дороги по соседству —
Только Унжа здесь, как вена к сердцу —
В глубь лесов нехоженных ведет.

10

По верховью медленно плывет
Танкер, до отказа нагруженный,
И волна качает отраженный
Утреннюю Унжей небосвод.
Вахта вновь сменяется. И вот
Ты уходишь вниз, к себе в каюту,
Где для дела, а не для уюта —
Книги, к переплету переплет.
Ты устал. Пока что не до чтенья.
Узкой койке отдал предпочтенье.

Над тобой уже витают сны,
Изменяя лица и предметы.
Но, как прежде, хмурясь, ждет ответа
Нежное лицо твоей жены.

11

Глянули глаза, любви полны,
Иль весенний луч зеленоватый
В этот миг скользнул в иллюминатор —
Ты проснулся. Улетели сны.
Вынута и смята папироса:
Душу, нет, не оторвать от плеса,
Но и боль не вырвать из души.
«Ох, дилемма!» — думаешь с тоскою...
Чтоб отвлечься, справиться с собою —
Взгляд наружу: сосны, ни души.

12

Здесь твою каюту покачнуло
Так, что свитер сполз со спинки стула, —
Дал себя почувствовать причал.
Стало тихо: двигатели смолкли.
(Ты опять о том, что от размолвки
Ты развязки этакой не ждал.)
Звук насоса — выгрузки начало.
Вдруг над головой, как шум обвала,
Голос из динамика: аврал!

13

Все наверх! А что насос затих,
Дав минутам течь куда попало?
В трубы, под землей, вода попала,
Пробкой льда закупорило их.

И — аврал! Костер уже возник.
Он под ярким солнцем лишь дымится,
Но трещит, заглядывает в лица,
Согревая под собой ледник.
Кто из местных, кто из экипажа —
Никого не пощадила сажа —
Рубят сухостой со всех сторон
Иль ломают сильными руками;
Должен лед растаять, ведь не камень!
Ждет с зимы горючего район.

14

Тут забудешь о жене и доме:
Ненасытен огонек, хоть скромн —
Так вбирает мерзлота тепло.
Вся бригада сборная устала,
Но легко вздыхает: ясно стало,
Что по трубам топливо пошло.

15

Продолжая странствие речное,
Спишь ты перед вахтою ночною.
Наконец усталостью сморен.
Спи, двойник мой, нам пора проститься,
И пускай в пути тебе приснится
Дом далекий — будет вещим сон.
Верь, слова мои — не пустословье:
Ты получишь, возвратясь в низовье,
От жены письмо — пришло давно,
Уменьшая судеб наших сходство.
Не пробудит чувства превосходства,
А взволнует нежностью оно.

Да! Вволнует нежностью оно
Самой верной: к маленькому сыну.
Было так: он к стулу стул придвинул.
Это — судно. И отплыть должно.
Обернулась комната рекою,
Помахал он матери рукою,
Объясняя ей издалека:
«По реке плыву под облаками...»
И душа оттаяла — не камень...
Вот что ты наделала, река!

А судьба — она ль не широка,
Верю, Счастье — вот ее названье,
Коль слились любовь в ней и призванье,
Словно в Волге — Кама и Ока.

Содержание

Встреча с отцом

Звезда	3
Папины письма	4
Встреча с отцом	4
Терновый куст	5
Счастье	6
Погоня	7

Стрежень

Ярославль в снегу	8
Возвращение на Волгу	8
В затоне	9
Школьник	9
На острове	10
Областные города	11
Сельский музей	12
Гусь-Хрустальный	13
Суздаль	13
Дивная гора	14
Старые дворы	15
Лестница	16

Утро	17
Давние места	17
Товарняком	18
«Я вышла из избы и поняла...»	19
«Слава богу, что есть поезда...»	20
«Я ожидала: скоро ли придешь...»	20
Соловьиная ночь	21
«Здесь различишь еще мои следы...»	22
«Умирают зимние березы...»	22
«Я улетаю в Кукобой одна...»	23
Белогривая тройка	24
«О, это невысокое окно...»	25
Чужая яблоня	26
«Ты улыбкой, как солнышко, брызги...»	27
Свет в ночи	28
«В озере зеленом днем погожим...»	29
На реке	30
Водный путь	30
В плаванье	31
Речнику	32
«Ожидание встречи с тобой...»	33
Дом у реки	34
«На облака, сваявшиеся в кипе...»	35
Ледостав	36
Глаза друга	37
«Если правда, что на расстоянье...»	37
Спутница	38
Бабушка	39
«За какие заслуги, не знаю...»	40
Первый лед	41

Восточный берег

Верность морю	43
Взаимосвязь	44
Детство	44
«Я прятала портфель под камень...»	45
«То ей хуже, то снова полегче...»	46
Стрижи	46
Рыбачье утро	47
Глубинный лов	48
«Вот зеленою краской забор подновил...»	48
Цветы с корабля	49
Неспокойное море	50
Слово о Керчи	50
Первый пароход	51
Конь	52
Поселок	53
Зной	53
Сон	54
На родном берегу	54
«Мне здесь еще пожить бы...»	55
Над карьером	56
«Нет все-таки не вздыбленное взгорье...»	56
Дождь в Крыму	57
«В этом доме как будто живых не осталось...»	57
После шторма	58
В непогоду	59
Родство	59
Краб	60

Эмма Марченко живет в Ярославле. Окончила Московский историко-архивный институт, а позднее, заочно, — Литературный институт имени А. М. Горького. Несколько лет работала корреспондентом волжской речной газеты. Бывала в рейсах на Волге, на Онежском и Ладожском озерах, на Балтике.

Поэтесса пишет о Волге и ее тружениках, о любимом городе и о Черном море, у которого прошло ее детство.

Стихи печатались в журналах «Москва», «Новый мир», «Октябрь», в еженедельнике «Литературная Россия», других периодических изданиях; некоторые переведены на болгарский язык.

Эмма Марченко — автор пяти сборников, вышедших в Москве и Ярославле. Член Союза писателей СССР.